

Аржан Салбашев

Египтянин

Исторический роман

Аржан Салбашев

Египтянин

«Издательские решения»

Салбашев А.

Египтянин / А. Салбашев — «Издательские решения»,

Если хотите узнать правдивый рассказ о судьбе Моисея, выведшего свой народ из Египта, прочитайте роман «Египтянин». Помимо захватывающего сюжета, Вас ожидают открытия, которые могут повлиять на Ваше мировоззрение... Удачи Вам!

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвёртая	18
Глава пятая	20
Глава шестая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Египтянин
Исторический роман
Аржан Салбашев

© Аржан Салбашев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Стояла безоблачная, стылая ночь. Звёзды мерцали на чёрном бездонном небосклоне, словно россыпи драгоценных камней. На краю пустыни, где бескрайние пески внезапно упираются в темные громады гор, белел светлым пятном шатёр. На его стенках отражались причудливые тени мужчин, сидящих у костра. Двое юношей на овечьих шкурах зябко кутались в халаты. Головы их были обмотаны платками. Третий – лысый мужчина средних лет с широким добродушным лицом полулежал на войлочном коврикe. Под полосатым халатом, небрежно накинутым на плечи, угадывалось сильное тело. Иногда здоровяк привставал с места, заглядывал в медный котелок, приткнутый к горящему хворосту.

– Сынок, принеси свёрток с травами, – обратился он к юноше с небольшой бородкой. – Найдёшь, или дать лучину?

– Найду! – радостно отозвался тот. – Ради горячего чая в холодную ночь, я весь шатёр переверну – найду!

– Весь – не стоит. Женщин разбудишь. Мешок найдёшь у входа...

Мужчина принял из его рук небольшой льняной свёрток и серебряный горшочек с мёдом.

– Согреетесь! – широко улыбнулся он, закидывая в кипящую воду щепотку засушенных трав.

В воздухе разнёсся душистый запах мяты и лимона.

– Доставайте кружки, чай готов, – вытянул здоровяк котелок из огня.

...Они пили согревающий напиток. Каждый думал о своём. Издалека доносился вой шакалов и лай лисиц. Над головами путников шуршали крылья птиц, привлечённых светом костра.

– Молодые люди, давайте я расскажу историю человека, которого мы все знали не понаслышке. За рассказом скоротаем время, – оборвал тишину мужчина. – Если я что пропущу, вы меня поправите, – оглядел он попутчиков.

– Расскажи, да смотри – не соври! – улыбнулся сидевший рядом с ним безусый юноша.

Мужчина вздрогнул, внимательно посмотрел на него, словно сравнивая с кем – то.

– Красиво не соврать – историю не рассказать, – промолвил он задумчиво. – Так слушайте...

Часть первая Свой среди чужих

Глава первая Школа

Бог солнца Амон – Ра щедро одаривал своих подданных теплом. Но люди не спешили радоваться: искали укрытие в тени от его жарких объятий. Жизнь в деревне замерла. Раскалённый воздух дрожал над землёй, создавая иллюзорность действительности, при каждом дуновении ветерка казалось – вот-вот вместе с пылью на воздух поднимется и деревня. Со строениями, людьми. Подобно облаку унесётся в неведомые края. Но стоило вдохнуть прогорклый запах пива, доносящийся из каждого двора, пройти по узким извилистым улочкам, местами упирающихся в захламлённые тупики, пропитанные смрадом нечистот и протухших овощей – сказка превращалась в быль.

В центре деревни среди однообразных глиняных жилищ зелёным островком высился навес. Его крыша из пальмовых ветвей примыкала к глинобитному зданию – храму Сетха, бога войны. То была – школа.

...Египетские чиновники, в чьи обязанности входило: ставить на учёт новорожденных, снимать с учёта умерших от старости или болезни людей, учитывать поголовье скота, посещали поселения для бедноты с большой неохотой. Они делали свою работу спустя рукава – их отчеты обычно имели мало общего с действительностью. Тогда фараон распорядился открыть в поселениях при храмах начальные школы для детей простолюдинов, дабы в дальнейшем они выполняли работу, не требующую больших знаний. В случае недобросовестного отношения к своим обязанностям писца ждало суровое наказание. Таким образом, канцелярия храмового хозяйства стала получать достоверные данные о количестве работоспособного населения, облагаемого налогами. Чиновники теперь знали: на что они могут рассчитывать при наборе рабочего люда для строительных работ, для сбора урожая, рытья канала.

...Под навесом жужжала запутавшаяся в паутине муха. Учитель, старый семит, заложив руки с тростью за спину, прохаживался между рядами учеников разных возрастов, скрестивших ноги на циновках. Нос крючком, длинная морщинистая шея, торчащая из широкого ворота балахона. Черепаха. Ни дать, ни взять – черепаха.

Моше, худой лопухий мальчик лет десяти с гладко выбритой головой сидел в окружении таких же стриженных наголо мальчишек. Остро заточенной палочкой он старательно выцарапывал иероглифы на остраконе¹. За время учёбы мальчик уяснил: на уроках сидеть надо тихо, открывать рот тогда, когда об этом просит наставник. Если это было не так, Шамма – писарь нещадно лупил нарушителя по спине тростью, приговаривая: «Дитя несёт ухо на спине. Чем чаще его бьёшь, тем больше он „слышит“». Иногда доставалось и непоседливому Моше. Всякий раз, не выдержав экзекуции, размазывая по лицу слезы, мальчик убегал домой с твёрдым убеждением никогда не возвращаться в школу. Но каждый раз мать приводила его обратно. Кара была разумной женщиной, понимала – от учителя зависит дальнейшая судьба её мальчика. Просила прощения за своего непутёвого сына. Шамма благосклонно впускал беглеца в класс...

¹ Остракон (египт.) – шлифованная известковая пластина.

Мальчик выводил иероглифы на известковой пластине. Но его мысли – облака витали далеко за пределами деревни – над Дельтой Священного Нила. С превеликим удовольствием он сейчас присоединился бы к старшему брату Аарону, помогавшему отцу пасти скот городской знати на заливных лугах. Ему хотелось вдыхать полной грудью свежий ветер Великого моря, а не корпеть над ненавистными закорючками в душном классе. Единственный раз отец брал его с собой на дальнее пастбище. Это случилось, когда Моше было семь лет. Он тогда жестоко простыл, мать с отцом с превеликим трудом вырвали его из когтей смерти. Мальчик только начал выздоравливать, был ещё совсем слаб, когда родители решили, что ему будет полезно подышать свежим морским воздухом. И на самом деле – там он быстро пошёл на поправку. Моше впоследствии не раз погружался в счастливые воспоминания о проведённых в Дельте днях. Вот и сейчас перед его глазами стоял не бритый затылок одноклассника, а череда картинок с того памятного события. Вот они с братом, смастерив нехитрые снасти, рыбачат на протоке. Или, раскинув силки и затаив дыхание в камышах, охотятся на уток. Как наяву Моше видит: на закате дня возле небольшого озера тлеет костёр, отец запекает на углях рыбу. Братья, перебывая друг друга и заливаясь весёлым смехом, изображают: то утку, то рыбу, то самих себя в смешных ситуациях. Покончив с вечерней трапезой, они идут на ночлег в шалаш из тростника. Но ещё долго раздаётся их смех над сочными лугами, прежде чем утихнуть в ночи...

Мальчик очнулся от воспоминаний, почувствовав на себе чей – то взгляд. Не поднимая головы, скосил глаза направо. Так и есть – за ним наблюдает Элишева, единственная девочка в их школе. Белоснежная накидка, перехваченная узким пояском на талии, резко контрастировала с её смуглой кожей, перламутровый ободок удерживал зачесанные назад густые волосы до плеч. Паренек и раньше не раз ловил на себе её взор, приводящий его в замешательство. Во время совместных игр старался больней ударить Элишеву – мстил за свой стыд. Но она никогда не плакала. Лишь в её глазах, наполненных слезами, стоял немой вопрос: – «За что?». В такие моменты Моше готов был провалиться сквозь землю. Не мог понять: почему его охватывает волнение, удушливая волна подкатывает к горлу и не даёт дышать ему полной грудью. В свои десять лет он ещё не знал, что эти чувства взрослые называют – «любовью»...

– На сегодня хватит, – нарушил тишину скрипучий голос учителя. – Не поленитесь дома повторить пройденный материал.

– Приди ко мне, Тот – священный ибис. Приди ко мне, направь меня, сделай меня умелым в твоём искусстве, ибо твоё искусство – самое прекрасное. Ведомо каждому: кто владеет им в совершенстве, становится вельможей... – хором затаили ученики молитву, которой они начинали и заканчивали учебный день.

– С завтрашнего дня мы начнём изучать иератику², – завершил урок учитель. – Все свободны.

Шамма – писарь скрылся за дверь в храм. Воспитанники сложили менхеды³ в сумки и, тихо переговариваясь между собой, отправились по домам. Моше вышел из-под навеса в числе последних. Датан и Авнан, два закадычных друга, шли перед ним, о чём – то перешептывались, хитро озираясь. «Наверняка, что – то замышляют» – успел подумать Моше, прежде чем одноклассники подбежали к Элишеве, сорвали с её головы дужку. Они забавлялись, перекидывая ободок друг другу и громко смеясь над девочкой, мечущейся между ними в тщетных попытках вернуть свою вещь. Моше, не раздумывая, подскочил к Датану и, что есть силы, ударил его кулаком в подбородок. Тот опрокинулся на спину, мгновение соображал – что случилось, недоумённо оглядываясь, опомнившись, набросился на обидчика. Вокруг мгновенно образовалась толпа. Мальчишки подзадоривали драчунов. Те изо всех сил колошматили друг друга, не замечая никого и ничего вокруг. Датану удалось свалить обидчика с ног. Сцепившись, клуб-

² Иератика (*egit.*) – жреческое письмо.

³ Менхед (*egit.*) – дощечка с принадлежностями для письма.

ком покатались по песку. Авнан бегал вокруг них, норовя ударить ногой Моше. Неожиданно кто-то схватил его за ухо и отшвырнул в сторону. Драчун кубарем покатился по земле. То был – учитель. С помощью трости наставник разнял мальчишек. Тяжело дыша, те встали подле него, исподлобья глядя друг на друга. В пылу драки у Датана слетела набедренная повязка.

– Силу девать некуда? – строго возвышался над мальчишками Шамма. – Тоже мне, герои, вдвоём на одного. Ну-ка, миритесь!

Драчуны нехотя заключили друг друга в объятия. Учитель удовлетворённо хмыкнул под нос. Заложив руки за спину, удалился в сторону храма. Авнан, держась за пострадавшее ухо, с виноватым видом протянул другу его набедренную повязку.

Девочка подала своему заступнику сумку, вместе направились к его дому. Мальчик, наблюдая завистливые взгляды одноклассников, со страдальческим выражением лица старательно хромал, обняв свободной рукой Элишеву за плечи. Внутри же него всё клокотало от счастья. Это он – Моше, завоевал в честном бою единственную девочку в их школе! Смотрите и завидуйте, вы – сопляки!

Всю дорогу они шли, не проронив ни слова. Приблизившись к жилищу, девочка чмокнула его в щёку, и, видимо, испугавшись этого, быстро произнесла:

– Спасибо тебе, Моше.

Резко повернулась и побежала прочь.

– За что она тебя благодарит? – раздался голос со двора.

Только теперь Моше обнаружил старшую сестру.

– Почему моего братика целует красивая девочка? – спросила Мариам, вертя в руках бусы.

Когда Моше зашёл во двор, её игривое настроение как ветром сдуло. Набедренная повязка мальчика была порвана в нескольких местах. Под правым глазом проступил синяк. Содранная кожа коленей сочилась кровью.

– Мама, мама! Иди, посмотри! – закричала сестра. – Моше избили!

Из дома выскочила Кара, запричитала:

– Вай, вай! Кто изувечил моего сыночка? Кто посмел обидеть моего соколика? Вай, вай!

– Мама, не кричи, соседи услышат, – засмутился мальчик. – Подумаешь, подрался...

– А моего братика только что поцеловала девочка, – хитро усмехнулась сестра.

От такого вероломства Моше лишился дара речи. Краска стыда залила его лицо и шею.

Мать мгновенно успокоилась.

– Это кто же моей невесткой должна стать? – повернулась она к дочери. – Почему я не знаю?

– Элишева. Они учатся вместе. Наверное, Моше из-за неё пострадал, – продолжала смущать брата Мариам.

Мальчишка, незаметно для матери, показал кулак сестре. В ответ она показала ему язык. Кара строго посмотрела на дочь:

– Ябедничать нехорошо. Набери воды в тазик, надо промыть ссадины.

Глава вторая Семья Моше

Дождавшись сменщиков, в посёлок вернулись Шуну с Аароном.

Глава семьи, покряхтывая, освободил осла от поклажи. Аарон, долговязый подросток с длинными волосами, подвязанными куском ткани, отвёл животное в сарай.

Шуну остался стоять посреди двора, почесывая чёрный подбородок, заросший многодневной щетиной. Голову его покрывал платок грязно – серого цвета, какой обретает вещь из-за долгой носки. От халата, прожженного в нескольких местах до дыр, исходил крепкий дух кострища. Такой же, как от холщовых мешков у его ног. Поверх мешков лежали несколько утиных тушек.

– Повезло. Тут неподалёку на канале наткнулись на выводок. Хорошо, с собой сеть была, – сверкнул Шуну зубами в улыбке на немой вопрос домочадцев. – Грейте воду, будет сегодня вам праздничный ужин! Да и ополоснуться с дороги не мешает.

Кара с Мариам загремели посудой...

Когда с улицы прибежал Моше, несколько тушек уже жарились на сковороде, источая манящий запах. Кое – как увернувшись от объятий отца, он уселся у его ног, принялся перебирать утиные перья, кучей наваленные на полу. «Подарю Элишеве – вот обрадуется!» – мечтал Моше, отбирая самые красивые.

Кара хотела скрыть от мужа случившееся с их сыном, но синяк под глазом Моше ещё не сошёл, и ей пришлось рассказать правду. Шуну не стал ругать сына.

– За что бился? – улыбнулся он, сидя на краю топчана, уперев руки в колени.

– Заступился за девочку, – как можно небрежней махнул рукой подросток, опасаясь дальнейших расспросов.

– Ну и молодец! Я за твою мать, до свадьбы, не одному нос разбил. Правда и мне доставалось. Но, ничего, как видишь – живой перед тобой сижу, – погладил по бритой голове сына Шуну, заговорщицки подмигнул жене.

Она, словно не расслышав, продолжала греметь посудой.

Шуну не соврал Моше. Узкая в кости, стройная и гибкая как антилопа, Кара разбила не одно юношеское сердце. Порой Шуну приходилось силой доказывать соперникам право провожать её до родительского дома.

– Ну и кто та красавица, ради которой мой сын пострадал?

– Дочка Аминадава, Элишева, – «обрела» слух жена.

– А что, хорошая девочка, и родители её – уважаемые люди. С её отцом мне не раз приходилось сталкиваться на Совете старейшин, – оценил выбор сына Шуну.

Моше застыдился. Яркий румянец залил щёки. Уши горели, словно их ошпарили кипятком.

– Хватит смущать сыночка, – пришла на выручку мать. —

Садитесь есть...

Солнце наполовину скрылось за горизонтом. Мужская часть семьи расположилась у стены жилища под навесом. Полулёжа на соломе и подсунув под бок валик, Шуну пил пиво через соломинку. Вполуха слушал разговор сыновей. Моше делился последними школьными новостями, чертил на песке иероглифы, показывая свои знания. Похвастался: на этой неделе они начали изучать жреческое письмо, которым пользуются египетские писцы. Скоро, если повезёт, его могут взять на работу учётчиком.

– Сынок, успеешь наработаться, – прервал его мечтания отец. – Шамма многому тебя научил, но хоть и всякий мастер на выучку берёт, да не всякий доучивает. Не для того я тебя отдал в школу, чтобы ты стал младшим помощником младшего учётчика.

Немного помолчав, продолжил:

– Не торопись: придёт срок – будет прок. На днях пойду в город, поговорю с братом. Пусть подыщет для тебя египетского учителя. Они много больше знают.

Моше загрустил. Ему не терпелось стать взрослым, а тут...

– Папа, какой египтянин возьмётся обучать Моше? Мы для них – евреи, – удивился Аарон, лицом похожий на отца – нос с горбинкой, взгляд исподлобья.

– Ну и что? Махайлаш учился у египетского судьи. Тот обучил его так, что сами египтяне считают за честь дружить с вашим дядей, – с гордостью за брата посмотрел Шуну. – Теперь он как настоящий египтянин – меняла в храме Маат.

– Папа, почему ты редко рассказываешь нам про дядю Сартакпая? – вспомнил Моше о другом брате отца. – Где он?

Прежде чем ответить, Шуну помолчал, что – то обдумывая.

– Он ушёл далеко – на восток. Как только фараон Неферхепрур покинул этот мир и отдался на милость Осириса, ваш дядя и ушёл. Сейчас я не смогу всё сказать. Подрастёте – узнаете.

Он закрыл глаза, погрузился в думы. Сыновья сидели тихо, не осмеливаясь беспокоить отца. Когда мать позвала их спать, на цыпочках пробрались мимо него.

...Когда фараон Аменхетеп IV, тронное имя – Неферхепрур, сменил имя на – Эхнатон (угодный Атону) и объявил о единобожии, Сартакпай всей душой прикипел к новой вере. Он не догадывался: фараон затеял реформы с одной целью – оттеснить потомственную знать, в том числе и жречество, от власти и источников богатства. Столицу из Уасет⁴ – гнездо старой знати, Эхнатон перенёс в только что построенный город Ахетатон на восточном берегу Священного Нила. Воздвиг грандиозный храм богу Атону – животворящей силе вселенной, создателю всего мира, животных и людей. Сартакпай не единожды посещал новую столицу, чтобы послушать проповедь из уст самого фараона. Лишившись государственной поддержки, храмы прежних богов начали приходить в упадок, или вовсе закрылись.

Их поселения ветер перемен не достиг. Сартакпай тщетно уговаривал соплеменников принять единобожие, как единственно правильную религию. Как поклонялись односельчане Маат⁵, Сетху или Бастет⁶, так и продолжили просить у них благословения.

После кончины Эхнатона его зять Сменхкара, наследовавший царский трон, восстановил почитание Амона и других богов с их духами.

Так Сартакпай поневоле прослыл «болтуном». Не выдержав насмешек, он погрузил нехитрый скарб в арбу, запряжённую ослом, с караваном отправился на восток.

Спустя несколько лет Сартакпай проведаль братьев. Поведаль, как после долгих скитаний по пескам Аравии он нашёл пристанище за Чёрным⁷ морем у одного из мадиамских⁸ вождей, живущего со своим кланом у вади⁹. Глава семейства Иофор выдал свою младшую дочь за него. Сепфора, так звали его жену, родила Сартакпаю двоих сыновей.

... – Я слышала, ты хочешь отдать Моше на учёбу египтянину? Не навредит ли это нашему мальчику? – прервала

Кара воспоминания Шуну, присаживаясь напротив.

– Думай женщина, что говоришь, – угрюмо пробурчал Шуну.

Сел, долго смотрел в порожнюю кружку, прежде чем отставить её в сторону.

⁴ Уасет (егип.) – Фивы.

⁵ Маат (егип.) – богиня справедливости, истины.

⁶ Бастет (егип.) – богиня луны, жещина с головой кошки.

⁷ Чёрное – Красное море.

⁸ Мадиам – историческая область в Саудовской Аравии

⁹ Вади – сухое русло реки.

– Выучится на писца, станет уважаемым человеком, что ты в этом видишь плохого? – уже миролюбиво добавил он.

– Ты же знаешь, как египтяне к нам относятся, мало ли что может с ним случиться, – подперев кулаком щеку, скорбно покачала Кара головой.

Шуну снова надолго замолчал. Сквозь стены жилища слышались глухие голоса сыновей, изредка прерываемые смехом Мариам.

– Завтра же схожу в город к брату, посоветуюсь, – хлопнул себя по коленям Шуну. – Пойдём спать. Утро вечера – мудрей.

Глава третья Шуну в Питоме

Питом – город запаса, словно мираж, возвышался над песками. Его высокие стены, облицованные обожженными на солнце глиняными сырцовыми блоками, украшала роспись. Местами в блоках проглядывали осколки морской раковины – это рабы недобросовестно отнеслись к своим обязанностям, плохо растолкли её в крошку для придания сырцу крепости. Фараон распорядился возвести город в стороне от Нила для защиты северо-восточных рубежей Египта от набегов азиатов. Основным же толчком для возникновения города послужило обнаружение на Синае богатых залежей меди. Рабы прорыли канал, соединивший Питом с одной из протоков Нила. Были построены склады для провианта, мастерские и кузни, казарма для воинов. Следуя народной примете: «Где камыш – там и утки», Питом заселили чиновники, вельможи и жрецы с разных концов Египта. Они воздвигли особняки, некоторые в несколько этажей. За высокими оградами зажурчали фонтаны – дань моде. Стены жилищ украсили фрески со сценами из различных легенд.

Был полдень, когда Шуну вошёл в город через массивные ворота из ливанского кедра, обитые медными полосами. Два стражника – меджай¹⁰, вооружённые копьями и мечами, пристально взглянули на него. Не обнаружив ничего

подозрительного (какая угроза могла исходить от «черноголового» в набедренной повязке с котомкой в руках), отвернулись, продолжили прерванный разговор.

Пройдя вдоль высокой стены, Шуну вышел на площадь, забитую многоголосой толпой. Знатные сановники в сопровождении жён и детей, одетые в тончайшие платья, чинно, насколько это позволяли суэта и толчея базарной жизни, ступали вдоль торговых рядов. За хозяевами смиренно следовали рабы в набедренных повязках с опахалами в руках. Купцы в цветных халатах и головных уборах необычайных форм, непривычных для глаз местных жителей, завидев чиновников, склоняли головы. Крестьяне с корзинами в руках несмело предлагали овощи, зелень. Торговцы украшениями и амулетами наперебой расхваливали свой товар. На запястьях у них густо висели нити ожерелий из бус и драгоценных камней с застёжками в виде соколиных голов или жуков-скарабеев. Браслеты из золота, серебра были искусно инкрустированы полудрагоценными камнями и цветным стеклом. Детвора, словно птичья стая, носилась с одного конца базара на другой, вынуждая торговцев арбузами и дынями волноваться за свой товар, пирамидами сложенный на земле.

Внимание Шуну привлек подросток в набедренной повязке. Он сидел на корточках в тени акации. Посматривая на толпу очерченными сурьмой нагловатыми глазками, катал по земле шарик из воска, поочередно прикрывая глиняными кружками: то правой рукой, то – левой, приговаривал:

– Кручу, верчу – обмануть судьбу хочу.

Вот к нему подошёл, судя по дорогим украшениям на шее и запястьях, зажиточный крестьянин в светлой накидке, в сандалиях из кожи. За ним раб вёл на привязи двух ослов, навьюченных корзинами из тростника. Было видно: господин бродит по базару в поисках нужного ему товара. На свою беду крестьянин услышал голос проходимца и ради любопытства решил посмотреть: кто это хочет обмануть свою судьбу, и что он там крутит – вертит. В предвкушении зрелища вокруг них начала собираться толпа.

– Положишь шат¹¹ – получишь два! Лишь надо угадать, где пусто – а где густо!

¹⁰ Меджай – нубийское племя.

¹¹ Шат (егип.) – серебряная или медная пластина весом в 7 грамм.

Крестьянин, молча, следил заплывшими глазками за ловкими движениями подростка, интуитивно чувствуя подвох. Но после того как очередной молодой человек удвоил свой капитал, крестьянин, отталкивая зевак, бросился делать ставки. Он не догадывался: парни, только что сорвавшие перед ним куш, помощники прохиндея.

Цафнат, так звали шулера, несколько раз дал выиграть крестьянину. Тот, от удовольствия сыпал остротами направо и налево. Его раскрасневшееся лицо сияло как начищенный таз. Цафнат понял – «добыча» созрела. Предложил увеличить ставку. Крестьянин, вытирая пот со лба, трясущимися от волнения руками выудил из кожаного мешочка горсть серебряных пластин, шлёпая пухлыми губами, отсчитал пять штук: половину дебена¹², бережно положил у ног.

Узкие глаза Цафната хищно блеснули. Ловко катая шарик и приговаривая: «У меня как в храме – всё честно, без обмана», он словно убаюкивал внимание окружающих его зевак.

Шуну стоял рядом и увидел, как подросток незаметно для всех спрятал восковой шар в кулак. Крестьянин же, уверенный в своей зоркости и довольный собой, важно указал на одну из кружек. Шарика под ней не оказалось. Круглое и самодовольное лицо простака от изумления вытянулось, стало похожим на морду осла, стоящего за спиной хозяина. Подельники Цафната ловко оттеснили проигравшегося деревенщину в сторону, бросились делать ставки.

Шуну с улыбкой отвернулся и зашагал дальше. Путь его пролегал мимо палаток и навесов из широких полос ткани, натянутых на жерди. Под ними прятались от полуденного солнца мастеровой люд и торговцы различной мелочью. Брадобрее ловко орудовали остро заточенными бритвами, до блеска сбривая у клиентов вновь прорезавшуюся поросль на лице и голове. Подле на столиках стояли баночки с душистыми мазями для умощения. Рядом расположились продавцы набедренными повязками, накидками и платьями. Обувных дел мастера всю расхваливали свою продукцию. Хватали за руки проходящих мимо них зевак, показывали сандали из тростника, кожи, коры пробкового дерева. В тени пальм и акаций сидели мастера по дереву, медники, горшечники. Разложили на циновках свой товар.

Пройдя торговые ряды, Шуну вышел к храму Маат. Возле входа стояли несколько менял. Они занимались обменом храмового добра на медь и серебро. В ход шли вино, хлеб, остатки жертвенных животных: головы, ноги, хребты и куски мяса. К ним время от времени подходили базарные торговцы. Отсчитав звонкий металл, терпеливо ожидали посыльных. Возле менял на ступеньках перед низкими столиками сидели писцы. За несколько шатов меди безграмотным горожанам и крестьянам они на кусках папируса записывали тексты прошений. Сквозь каменный свод во внутренний двор храма заходили паломники, где передавали жертвенные подношения культовым служащим. Перед статуей богини Маат вставали на колени, в почтении склоняли голову, держа ладони поднятых рук раскрытыми, молились...

Не обнаружив брата, Шуну пересёк базарную площадь, свернул на узкую улочку, решительным шагом двинулся вглубь города. Он остановился перед дверью в глинобитной стене. Удостоверившись, что не заперто, вошёл...

За низким столиком со снедью напротив друг друга, скрестив ноги на выделанных овечьих шкурах, сидели Шуну и Махайлаш. Сбритые брови и лысая голова, прямой нос, подведённые сурьмой глаза делали старшего брата похожим на египтянина. Шуну же чёрными волнистыми волосами до плеч, подвязанными через лоб бечёвкой, походил на шардана¹³, только что сошедшего с барка на берег. Со стороны никто не догадался бы, что разговаривают родные братья. Возле Махайлаша на утрамбованном глиняном полу стоял кувшин с вином. По рас-

¹² Дебен (егип.) – медная или серебряная пластина весом в 90 грамм.

¹³ Шардана – один из древних народов Средиземноморья.

красневшимся лицам мужчин было видно: сидят они давно и высокие кружки на столе осушались не единожды.

Вся обстановка в комнате: отсутствие занавесок на окнах и разбросанные в беспорядке вещи, дышала безнадежностью и тоской. Казалось, помещение используется для временного пристанища...

– Послушай, брат, меня, – увещевал Шуну Махайлаша. – Бери свою желанную, приводи в посёлок. Мы построим вам дом, живите счастливо!

– О чём ты говоришь, брат? Неужели ты не понимаешь? Она – египтянка! Египтя-я-янка! – протяжно повторил Махайлаш, выставив указательный палец вверх, словно речь шла не о женщине, а богине. – А я кто? – ткнул большим пальцем себя в чисто выбритую грудь. – Я – еврей. Всего лишь – еврей. Во-о-о. Чувствуешь разницу? – горестно вздохнул он. – Да, мы любим друг друга. Но я не хочу ломать её судьбу...

На глазах у Махайлаша выступили пьяные слёзы. В комнате воцарилась тягостная тишина. С улицы доносились крики играющих детей, высокий женский голос зазывал ребёнка домой.

– Хочешь, прочитаю стихотворение, Мерит написала для меня? – прервал паузу Махайлаш.

Не дожидаясь ответа, он поднялся с места, нетвёрдой походкой прошлёпал босыми ногами мимо брата, на ходу обтирая руки об набедренную повязку. Достал из комода, стоящего у стены, тряпичный свёрток, аккуратно развернул. Взору Шуну открылись папирусный свиток и кинжал изумительной красоты, наборная ручка которого из чёрного дерева была инкрустирована цветными камнями в виде «ока Гора». Махайлаш подсел к брату, бережно расправил свиток, начал торжественно читать:

– Твоей любви отвергнуть я не в силах.

Будь верен упоенью своему.

Не отступлюсь от милого, хоть убейте!

Хоть продержите целый день в болоте!

Хоть в Сирию меня плетьюми гоните,

Хоть в Нубию – дубьём,

Хоть пальмовыми розгами – в пустыню,

Иль тумакми – к устью Нила...

Закончив читать, уставился на брата, ожидая его оценки. Шуну же крутил в руках кинжал, восхищаясь его красотой.

– Хорошие стихи, – опомнился он. – Женись на ней, – ласково потрепал его по щеке Шуну.

– Нет, нет, – замотал головой Махайлаш.

– Будь по – твоему, – примирительно улыбнулся младший брат.

Отпив глоток вина, Шуну решил начать разговор, ради которого он и пришёл:

– Скажи, жив ли твой учитель?

– Жив судья Потифар, жив! Только сдал в последнее время. Ты же знаешь – «Чёрная смерть», будь она неладна, забрала не только наших родителей, но и их единственного сына.

– Слышал. Жалко стариков. Я помню, как они радовались рождению сына, – горестно покачал головой Шуну.

– А почему ты вдруг вспомнил об учителе?

– Может, ты поговоришь с ним. Пусть научит и моего младшего сына, как тебя?

– Конечно, поговорю! Может, это отвлечёт старика от горя. Сегодня же вечером схожу и поговорю! – с радостью откликнулся Махайлаш на его просьбу.

– Это ещё не всё. Что, если Потифар выдаст Моше за родственника? Представляешь, как это ему здорово пригодится потом!

Махайлаш от такой просьбы мгновенно протрезвел. Он понимал: Шуну хочет для сына лучшей доли, чем его – собственная. Но с другой стороны он подвергал огромной опасности мальчика и Потифара. Если обнаружится подлог, Моше ждёт смертная казнь. А судью – крах карьеры.

– Слушай! Может статься, у нас всё получится! – его хмурое лицо вдруг просветлело. – От жрецов мне стало известно: юный царь Тутанхамон скоро присоединится к свите блистательного Амона – Ра, дабы закончить свой земной путь и продолжить его в солнечном барке.

– Вот это новость! – изумился Шуну. – Но что заставило его величество в столь юном возрасте покинуть этот мир?

– Говорят, в месяц эпифи¹⁴ фараон во время охоты на антилопу выпал из колесницы и сломал себе ногу. Придворный лекарь не придавал ране серьёзного значения, а зря: нога стала чернеть, а спустя несколько дней юный царь умер от лихорадки.

Внезапно Махайлаш обнял брата за плечи и горячо за — шептал в самое ухо:

– После того, как его проводят в царство Осириса, трон займёт новый фараон – жизнь, здоровье, сила! А новая метла, да простит меня его величество за такое сравнение, метёт по-новому, – оглянулся заговорщицки он. – Наверняка ему захочется поставить своих людей в номах¹⁵. Те, в свою очередь, захотят пересчитать своих верноподданных, начнётся чехарда с перепиской документов. И может статься, в суматохе никто не обратит внимания на внезапную «смерть» семитского мальчика. Тебе надо будет обсудить этот вопрос со старейшинами.

Шуну с готовностью кивнул.

– И ещё...

Махайлаш на четвереньках подполз к комоду, выудил оттуда деревянный ларец, обитый кожаными полосками. Сдвинув куски мяса, рыбы и пучки зелени в сторону, высыпал содержимое ларца на стол. Тут были: пластины серебра, меди и золота, бронзовые кольца, перстни, инкрустированные драгоценными камнями и цветным стеклом, золотые браслеты.

– Как тебе! – гордо уставился он на брата, бережно опуская сундучок на пол.

– Да тут целое состояние! – перехватило дыхание у Шуну от увиденного.

– За один дебен и два шата серебра можно приобрести корову, а поторговаться – и телёнка в придачу. А тут – целое стадо! – широко раздвинув руки, похвастался Махайлаш.

– Когда же ты успел накопить?

– Успел, пока был смел, – вдруг посерьёзней он. – Что-то в последнее время беспокойно у меня на душе.

Махайлаш расстелил на полу рядом с ларцом платок, в котором до этого лежали деревенские гостинцы, стал перекидывать туда своё богатство. На немой вопрос в глазах брата пояснил:

– Есть время собирать камни, есть – разбрасывать. Когда-то вы помогли мне встать на ноги, думаю, настало время вернуть долг. За меня не беспокойся, я себе оставлю немного. Нож я тоже оставляю себе. Это – подарок дорогой для меня женщины, – оценив взгляд брата, он с улыбкой отложил в сторону кинжал.

– Это так неожиданно, – растерянно бормотал Шуну. – Ты подумай хорошенько, может серебро тебе самому согдится?

– Так надо, брат, – твёрдо ответил ему Махайлаш, затягивая узелок котомки.

– Ну, вот. Сразу как – то легче стало на душе! – произнёс он, наполняя кружки до краёв. – Давай выпьем за то, чтобы наши дети жили лучше нас!

– С удовольствием! – согласился с ним Шуну...

¹⁴ Эпифи (*егип.*) – соответствует месяцу июль.

¹⁵ Ном (*егип.*) – административная область.

Они ещё долго сидели за кувшином вина, не замечая течения времени. Было давно за полночь, когда братья уснули, обнявшись, на топчане.

Глава четвёртая Смерть менялы

...Цафнат стоял с ножом в руке. Обезумевшими от страха глазами смотрел на то, как у его ног умирал меняла. Рядом застыли в ужасе его поделщики: Горус, здоровяк с милыми чертами лица и Кай, худой парнишка с вытянутым прыщавым лицом. Когда Цафнат предложил им в отсутствие хозяина проникнуть в его жилище и обворовать, они не могли даже и предположить, что всё закончится так страшно...

Солнце ещё не взошло, когда Махайлаш и Шуну постучались в ворота имения Потифара. Слуга – ливиец проводил братьев по ухоженному саду до самых дверей жилища, где их радушно встретил хозяин двухэтажного особняка, пожилой мужчина с седой порослью на голове. Выслушав просьбу, Потифар, после недолгих раздумий, дал согласие на обучение Моше. Египтянин едва успел подхватить Шуну под руки, когда тот хотел пасть ниц перед ним. Прервав поток благодарственных слов, Потифар выдвинул условие – мальчик останется жить у него, дабы не вызвать подозрения у окружающих. Проводив братьев до ворот, он с криками: «Эрте, Эрте, у меня для тебя есть хорошая новость!», поспешил обратно...

Махайлаш вызвался проводить брата за стены города. Чтобы оградить того от нежелательного обыска, меняла заблаговременно повязал голову немесом¹⁶ в жёлтую полоску, демонстрируя свою принадлежность к клану жрецов. Стража беспрепятственно пропустила их.

Братья обнялись на прощанье. Шуну принял котомку из рук Махайлаша и с лёгким сердцем зашагал в сторону поселения, не подозревая, что видит брата живым в последний раз.

Махайлаш с тоской глядел вслед ему. «Может он прав? Что, если жить в деревне, а в город возвращаться по делам службы? Благо – недалеко». С этими мыслями Махайлаш повернулся, сделал несколько размеренных шагов и скрылся за массивными городскими воротами.

Пурпурное солнце стремительно поднималось над горизонтом. Занимался новый день. Махайлаш стоял на ступеньках храма Маат и разговаривал со жрецом, когда почувствовал на себе чей – то взгляд. Обернувшись, не увидел никого из тех, кто мог заинтересовать его внимание. Лишь неподалёку крутились трое подростков. Среди них он признал Цафната, сына Хафрома – стражи кошек. Тот часто приходил помогать отцу – присматривать за его питомцами.

Спустя час Махайлаш, сославшись на головную боль, пошёл домой...

Увидев приоткрытую дверь, удивился: он отчётливо помнил, что запер комнату на замок, а ключ положил под половик. Мелькнула мысль – может Мерит пришла навестить его. Шагнул за порог, он увидел трёх подростков, склонившихся над комодом. Вот один из троицы выудил со дна ящика свёрток и перед взорами подростков предстал кинжал, которым совсем недавно любовался Шуну. Остро заточенное бронзовое лезвие тускло блеснуло в сумрачном свете, проникающем в комнату через окна под самым потолком. Когда подросток, желая рассмотреть находку, подошёл к столику, Махайлаш схватил его за ухо. Другой рукой он попытался дотянуться до пухлого мальчишки, стоявшего рядом...

Цафнат на миг представил, как меняла тащит их по улице, а жители города потешаются над ними. От страха перед разоблачением парнишка сделал то, чего не ожидали от него ни он сам, ни его товарищи: с разворота воткнул нож в живот менялы.

¹⁶ Немес (*em.*) – платок в полоску.

От боли, молнией пронзившей подреберье, Махайлаш согнулся пополам. С недоумением он смотрел на свои руки, зажимающие рану: кровь струилась, сквозь пальцы, не останавливаясь. В голове зашумело. Ноги вдруг стали непослушными. Чувствуя, как силы покидают его, он опустился на пол, но не удержался, упал на спину. Он больше не чувствовал своего тела. Лишь душа продолжала цепляться за тело. Мысли наплывали друг на друга, путались. «Сейчас придёт Мерит, а у меня – бардак. Сын Хафрома зачем пришёл? Он будет нам мешать. Надо его прогнать. Мерит. Брат. Мальчик. Кинжал, – закружили вихрем мысли. – Брат. Кинжал. Мальчик. Смерть. Смерть. Смерть. Причём здесь – смерть? Кто умер? Я – умер? Но я дышу, я – живой! Не хватает воздуха, я задыхаюсь. Я – умираю. Я знаю, где располагается смерть! Нет, не где-то там, в подземном царстве, что мне внушали многие годы. Она здесь, внутри меня! Всё это время сидела в тёмном закутке моего брэнного тела, притаившись, ждала своего мига. И дождалась! Нет! Нет! – кричала, сопротивлялась смерти душа менялы. – Ещё не пришло твоё время! Я хочу жить! Прочь!».

Махайлаш сделал последнее усилие: тело его напряглось как струна, руки судорожно вытянулись. Но обмануть смерть не удалось. Она, в облике человека с головой шакала Анубиса, подхватила его душу и полетела с ней в подземное царство Осириса¹⁷, чтобы в судный час положить на чашу весов богини справедливости Маат.

Убийца менялы не был найден, как не был найден и кинжал. Комнату Шуну через Потифара продал купцу из Сирии. Часть вырученного серебра пожертвовал храму, где Махайлаш прослужил много лет, остальное вручил Потифару – оплатил обучение Моше.

¹⁷ Осирис (*egit.*) – бог возрождения, царь загробного мира.

Глава пятая

Случайный свидетель заговора

Моисей спал на террасе. Покрывало сползло на пол. Подросток лежал нагишом, широко раскинув ноги и руки. На его правом предплечье красовалась татуировка с изображением Феникса – олицетворение бессмертия. Легенда гласила: когда к птице приходила старость, она сжигала себя в гнезде. Из пепла появлялся червячок, со временем превращаясь в Феникса. Птица из пальмовых ветвей сплетала яйцевидный сосуд, сыпала туда пепел и возлагала на алтарь в храме солнца Ра в Усет.

Потифар поднял покрывало, накрыл мальчика. Он с отцовской нежностью смотрел на того, чьё появление в доме наполнило смыслом его собственную жизнь. Старику предстояло передать мальчику свои знания, полученные за многие годы, подготовить Моисея к новой, пока еще чуждой ему жизни. Сделать его в ней – своим. Он, как за соломинку, ухватился за возможность оставить после себя хоть какой – то след в этом мире. Пусть даже этот мальчик – семит. Потифар уже давно не делит людей на египтян и не египтян. Он делит их на живых и не живых. Там, в царстве теней, его знания и умение – ни к чему.

– Просыпайся, сынок, – тронул плечо Моисея наставник. – Пора завтракать.

– Я ещё чуть – чуть посплю, дядюшка, – пробубнил мальчик, не открывая глаз.

– Ну, хорошо, лежи. Я распоряжусь, чтобы Эмма позже разогрела еду.

Отмахиваясь от мошкеры мухобойкой, стряхивая со своей светлой туники невидимую пыль, Потифар отправился по своим делам.

Но Моисею уже расхотелось спать. Он вспомнил – сегодня ему предстоит встреча с Осией в военном городке, от чего губы его растянулись в широкой улыбке...

Они познакомились с месяц назад. Моисей возвращался из школы домой, когда услышал за углом глинобитной стены возню, приглушённые возгласы: «Бей черноголового!». В глухом переулке двое подростков повисли на плечах коренастого черноволосого паренька. Тот пытался избавиться от них, одновременно уклоняясь от кулаков третьего. Несколько ударов достигли цели, что видно было по кровавым разводам на его физиономии. Откинув сумку в сторону, Моисей бросился на защиту соплеменника...

– Как ты этому! – когда они умывались в канале, восхитился подросток. – Так он и покатился!

Моисей довольно улыбнулся.

– Что я! Ты вон, какой здоровяк! Ловко ты этого...

Подростка звали – Осия. С отцом тот работал на конюшне в военном городке. «Заведующий скотными дворами» Джуги набрал туда семитов, зная их умение управляться с лошадьми. Те кормили животных, обихаживали, занимались их выучкой. Навин, высокий и жилистый мужчина с крупными чертами лица, одетый в калазирис – накидку до колен, кинулся благодарить его за спасение сына так горячо, что чуть не переломал ему рёбра. Рядом, с распухшими носом и губами переминался с ноги на ногу Осия и широко улыбался. Он напоминал эфиопа, отчего Моисей не удержался от заливистого смеха.

Осия показал ему жизнь гарнизона, после чего Моисею непременно захотелось стать воином. После занятий в школе он бежал к казармам: учился владеть копьем, мечом, стрелять из лука. Ему нравилось наблюдать, как опытные ветераны обучали новобранцев маршировать и бегать шеренгами, держать строй. С Осией они могли часами смотреть на то, как Навин обучает египтян управлять колесницами, запряжённые вавилонскими рысаками. Те бегали по кругу у западной стены города.

...От приятных воспоминаний мальчика отвлекла служанка. Эмма, мясистая ливийка в широком платье, принесла кувшин с водой, поставила на столик, села на край кровати у его ног. Потянувшись до хруста в суставах, Моисей откинул покрывало, сел рядом. Серебряным гребешком она расчесала ему «Локон юности» – прядь волос с левой стороны бритой головы, чередуя красный и жёлтый шнурки с прядями волос, заплела в косичку. Моисей зашлёпал босыми ногами по деревянному полу к умывальнику. Служанка полила ему из кувшина над тазиком на подставленные лодочкой руки. Умывшись, мальчик набрал в кружку воды, всыпал туда из глиняной коробочки щепотку очищающей соли – «бед». Тщательно перемешав смесь палочкой, прополоскал рот. Женщина достала из комода белоснежный схенти¹⁸, нацепила ему на бёдра, закрепив поясом на застёжке. Полюбовавшись на своё отражение в отполированном серебряном диске, Моисей нашёл себя вполне схожим с египтянином. Подросток решил не красить веки – стояла безветренная погода.

Спустившись на первый этаж, Моисей прошёл на кухню. Он не стал дожидаться, пока Эмма разогреет пищу: с удовольствием съел холодное мясо птицы с пшеничным хлебом, макая его в кисло – сладкий соус, запивая разбавленным пивом.

Расправившись с завтраком, Моисей отправился во двор. Пройдя вдоль оливковых деревьев, он обнаружил Потифара в беседке со слугой – ливийцем, мужем Эммы. Кнофер был одет в разноцветную юбку до щиколоток – подарок хозяина. Они играли в «сенет» – забаву, пришедшую к ним, в Египет, из Месопотамии. Мужчины сидели напротив друг друга на шерстяных ковриках и по очереди кидали палочки, окрашенные с двух сторон в разные цвета. В зависимости от того, сколько палочек одного цвета выпадало, двигали свои фишки по клетчатой доске. Они так увлеклись игрой, что не заметили появления Моисея.

Первым его заметил Кнофер. Сосредоточенное до этого широкое тёмное лицо слуги осветилось улыбкой. Он легонько тронул колено хозяина. Тот поднял голову, заулыбался:

– Наш воин проснулся! Позавтракал, набрался сил?

Моисей, молча, кивнул.

– Ну и хорошо. Что, опять в казармы?

– Я обещал Осии помочь убраться в конюшне. Потом возьмемся за мечи, – гордо заявил Моисей.

– Ты мечом маши, да только уши береги, – всё также, улыбаясь, предостерег подростка Потифар. – Кому ты будешь нужен без ушей? Какая девочка на тебя посмотрит?

Моисей смущённо заулыбался в ответ.

– Если полюбит – посмотрит! – заступился за него Кнофер. – Моисей – парень видный.

– Хорошо, ступай. Только будь осторожен, – уже строго предупредил его учитель.

Шагая по узкой улице «квартала ремесленников», Моисей размышлял над отношениями между наставником и его слугами. Кроме Кнофера и Эммы – супругов из Ливии, ему принадлежали двое рабов из Эфиопии. Ко всем он относился, если не как к равным себе, но уважительно. Никогда не повышал на них голос. Старался распределять работы так, чтобы никому не было в тягость. Слуги в ответ старались во всём угодить своему хозяину. Как-то подросток спросил у старика: «Не боится ли он, что они «сядут ему на шею». На что тот ответил: «При верном псе и сторож спит». Вот и супругу свою наставник с легким сердцем отпустил одну в Уасет к родственникам, поставив в сопроводители, рабов – эфиопов. В сезон Половодья в месяц хойяк¹⁹ Эрте отправилась вверх по Нилу на барке, и Потифар был уверен: рабы жизнь отдадут за свою госпожу, если ей будет угрожать опасность.

¹⁸ Схенти (егип.) – набедренная повязка.

¹⁹ Хойяк (егип.) – соответствует месяцу декабрь.

... Внезапно Моисей оказался в окружении трёх подростков, в них он признал обидчиков Осии. Один из них, нагло ухмыляясь, перекидывал с руки на руку сучковатую палку. Моисей приготовился дать им достойный отпор, как из-за угла вышел парень, на голову выше всех и старше. Он приблизился к мальчику, уставился на него сквозь узкий прищур.

... Это был знакомый нам – Цафнат. Моисей не подозревал: перед ним стоит убийца Махайлаша. Не догадывался: вмешавшись в жизнь его семьи один раз, этому долговязому парню, с острым, как кинжал, лицом, суждено изменить и его судьбу. Но это случится в будущем, а пока...

– Почему ты заступаешься за евреев? Может, ты один из них? – окатил тот подростка презрительным взором.

– Только подлые шакалы нападают стаяй на раненого льва, – с вызовом отвечал Моисей, глядя долговязому юноше в глаза, как учил наставник. – Так говорит мой учитель.

– И кто будет твой учитель? – уже не так уверенно поинтересовался тот.

– Потифар, мой дядя.

«Угораздило меня...» – смутился египтянин. Его отец был в числе тех, кто не единожды обращался к услугам уважаемого судьи.

– А ну, пошли отсюда! – внезапно крикнул Цафнат на мальчишек и, выхватив палку из рук подростка, замахнулся.

Те изумленно уставились на него, но не тронулись с места. Лишь после того, как он выдал хорошего пинка в зад близстоящему мальчишке, они побежали вниз по улице, недоумённо, оглядываясь.

– Тебе повезло, что они ко мне пришли, – повернулся к Моисею Цафнат. – Я знаю твоего дядю и не позволю обижать его родственников. Так и скажи досточтимому господину: за тебя заступился Цафнат, сын Хафрома.

– Конечно, скажу, – поблагодарил своего спасителя подросток.

– Вот и хорошо! – с хитрым прищуром смотрел на него Цафнат. – Только не говори дяде, что они пригласили меня... Скажи – случайно вышло... Договорились?

– Договорились, – улыбнулся мальчик...

Моисей направился напрямик в конюшню, но товарища там не оказалось. Хотел было уже покинуть строение, как услышал голоса мужчин, один из которых, определённо, принадлежал Джуту. «Наверное, номарх²⁰ пришёл полюбоваться на своих жеребцов?» – подумалось подростку. Ему не хотелось лишний раз попадаться на глаза высокопоставленному господину. Не мешкая, прыгнул в груды сена, наваленную возле стены. Только он успел зарыться с головой в душистую сухую траву, как в проёме появились двое мужчин. Они неспешно шли по коридору и вполголоса разговаривали, ненадолго останавливаясь перед денниками с лошадьми. Когда они подошли к стожку вплотную, подросток сумел хорошо разглядеть незнакомца. Широко расставленные глаза, обрамлённые зелёной обводкой, прямой нос. Резко очерченный волевой подбородок излучал решительность. Голову египтянина покрывал немес в красную полоску – отличительный знак воина. Развитая мускулатура под кожаным нагрудником, глубокие шрамы на предплечьях говорили сами за себя: это – опытный, не раз глядевший смерти в глаза солдат. Передник из тонко выделанной кожи, окрашенный в красный цвет, доставал мужчине до колен. На ногах – кожаные сандалии. В правой руке, на безымянном пальце которой красовалось серебряное кольцо с бирюзовым камнем в центре, он сжимал свёрток из льняной ткани.

Джуги, невысокий мужчина в тёмно-коричневом парике из тщательно заплетённых в косички прядей волос, в отличие от воина был увешан драгоценными украшениями. В мочке

²⁰ Номарх (*egun.*) – наместник фараона.

правого уха висела золотая серьга в виде капли – слезы бога солнца Ра. Стекланные бусы, фаянсовые и золотые бляшки, драгоценные камни переливались всеми цветами радуги на широком круглом воротнике из папирусной массы. На запястьях и лодыжках красовались золотые браслеты из чеканных пластин, соединённых застёжкой в виде жука—скарабея, на пальцах холёных рук – множество колец и перстней. Белоснежный схенти с золотым обрамлением резко контрастировал с загорелым телом номарха. Стройные ноги его были обуты в добротные кожаные сандалии...

– Здесь нас никто не потревожит, – тихо сказал Джути.

– А надсмотрщик за лошадьми не помешает? – сиплым голосом, привыкшим отдавать приказы, а не шептаться, спросил воин.

– Нет. Я его отправил на плац. Пусть поучит возничих управлять колесницами.

– Что, знает в этом толк?

– Плохих, не держим, – гордо заявил номарх.

– Если так, советую приставить к нему учеников. Моей армии будут нужны опытные коневоды. Я хочу создать новый вид колесничного войска, он станет костяком нашей непобедимой армии! – гулко пробасил незнакомец.

В душу Моисея закралась смутная догадка – «Кто бы это мог быть?».

Джути тронул воина за плечо, приставил к губам палец и тот снова зашептал:

– О деле...

Он достал из свёртка два папирусных свитка, закреплённых картушами, протянул один номарху. Джути, удостоверившись в целостности печати, разломал её, развернул свиток, начал читать, безмолвно шевеля губами. Дойдя до последнего иероглифа, он с негодованием уставился на собеседника. Взгляд – огненные стрелы.

Но воин молчал. Он, явно, хотел сначала услышать мнение фараонова ставленника. И услышал...

– Им что, заняться нечем, кроме как плести интриги?! – вдруг забрызгал слюной номарх. – Неужели Эйе не понимает: свергнув с престола Анхесенамон – жизнь, здоровье, сила! законную наследницу царского трона, он ввергнет Египет в хаос?! Хоремхеб, ты знаешь не хуже меня, как сейчас плохи наши дела! Особенно здесь – на границе с Азией!

При упоминании этого имени Моисей чуть не выдал себя. «Ну, конечно! Кто ещё, кроме Хоремхеба, мог разговаривать с номархом в таком тоне!». Все мальчишки мечтали быть похожими на этого полководца, начавшего карьеру писарем в городке Ха-Ниса в храме бога Птаха²¹ и дослужившегося до звания Командующего войсками Верхнего и Нижнего Египта. Сквозь завесу из сухой травы подросток во все глаза любовался своим кумиром.

– Знаю! Но не только тебе, всем нам – нелегко. В Нубии – беспрестанные мятежи, Сирия и Финикия захватывают наши крепости. Ливийские племена замучили своими набегами. Нас перестали бояться. Уже всем известно: на троне сидит вдова Тутанхамона, а распоряжается всем – её дядя. Эйе пытался полюбовно договориться с её величеством – жизнь, здоровье, сила! о передаче власти в его руки, но получил отказ. Теперь в Меннефере²² царит двоевластие, – раздраженно пробасил воин.

– Но старый пердун, кроме как заниматься интригами, ничего другого не умеет! – вне себя от гнева заявил Джути.

Поняв, что сгоряча сболтнул лишнее, уже тише добавил:

– Он и нас хочет втянуть в свои паучьи сети.

Хоремхеба не смутили его слова. Он услышал то, что хотел услышать.

– Послушай, брат...

²¹ Птах (*египт.*) – одно из имён египетского бога – Творца.

²² Меннефер (*египт.*) – Мемфис.

И зашептал что – то горячо на ухо номарха.

Моисей весь обратился в слух. Не Моисей – одно большое ухо. Но ничего не смог разобрать. Лишь после того, как номарх выдохнул: «Тебя – фараоном!?!», с ужасом догадался – о чём тот мог шипеть змеёй.

– Да! Меня – фараоном! Ты не ослышался, – гордо выпрямился Хоремхеб. – Амон – Ра не оставляет меня своей милостью! Если Эйе не справится, Собрание хочет видеть на тронном месте меня.

– Почему – тебя? – уставился на него подведёнными глазами Джуги.

– Ты ещё спрашиваешь?! – с наигранным удивлением воскликнул Хоремхеб. – Жрецы хотят видеть на троне того, кто сможет примирить враждующие стороны и даст достойный отпор иноземцам. Рахотеп знает: армия пойдет за мной.

Хоремхеб умолчал: он сам предложил Верховному жрецу – этот путь. Рахотепу же было обещано всестороннее покровительство, помощь в восстановлении храмов в том же облике, какими они были с начала времён.

...Моисею показалось – рушится мир. До сего дня фараон представлялся ему благим сыном бога Амона – Ра, повелителем вселенной, сошедший на их грешную землю для исполнения воли своего отца. Что, закончив миссию, фараон возвращался на небеса, оставив людям грандиозную гробницу – пирамиду, как память о себе. А что на деле?... На деле выходило: фараоном мог стать любой смертный, оказавшийся в нужный момент в нужном месте...

Ему еще не раз предстояло испытать потрясающие душевные взлеты и падения, но именно в этот день он сделал первый шаг из детской страны в жестокий мир взрослых людей. В первый раз задумался над тем, что он раньше слепо принимал на веру.

Но не только Моисея, но и Джуги эта новость ввергла в изумление. Он молчал, видно было, как у него в глазах вавилонскими рысачами лихорадочно скачут мысли.

– Не знаю, брат, как мне с тобой теперь разговаривать. Как прежде – с другом, или как с будущим царём? – Джуги бросил на полководца быстрый взгляд.

– Как с другом! Даже когда я стану фараоном, – с самодовольной улыбкой Хоремхеб похлопал Джуги по плечу. – Но мы отвлеклись. Ты всё понял из того, что прочёл?

– Да вроде всё... – неуверенно проговорил номарх. – Мои дозорные должны убить личного писца царицы, когда тот «попытается покинуть страну». При нём должно «обнаружиться» письмо, в котором вдова Тутанхамона призывает хеттского царя Суппилулиуму напасть на Египет. Если он победит, она даст своё согласие на замужество с одним из его сыновей...

– Не забудь: письмо должно быть вскрыто при свидетелях – чем больше их будет, тем лучше, – прервал его Хоремхеб и передал Джуги второй свиток. – Пусть твои люди аккуратно обращаются со свитком. Хоть его текст сочинял Эйе, но картуш на нём – Анхесенамон.

Джуги завернул в льняную тряпицу оба папирусных свитка: один от Эйе лично ему и другой, якобы написанный царицей хеттскому вождю.

– Что касается Амтена – писца. Мои люди приведут его в твои покои сегодня ночью, – продолжил воин. – У тебя целый день впереди, чтобы собрать отряд из тех, кому ты можешь доверять – как себе. Под покровом ночи надлежит вывезти писца из города в пустыню, убить, на следующий день доставить тело обратно в город.

Подросток ужаснулся: как легко они распоряжаются чужой жизнью. Будто речь шла не о человеке, а жертвенном животном...

Великие лица нижнего Египта уже покинули конюшню, а подросток – пыль под сандалиями вельмож, ничтожная мышь, дрожал от страха в стожке. Он долго сидел в холодном поту, пытаясь собрать всё своё мужество. Наконец, придя в себя, он выбрался из своего укрытия. С трясущимися коленками направился было к выходу, как увидел в проходе папирусный свиток. По сломанной печати Моисей догадался – письмо номарху от Эйе. «Может догнать их – вернуть?» – мелькнула, было, мысль. Тут же опомнился. «Ага, вместе с письмом всучить им

в руки меч, чтобы они не теряли на его поиски время даром. Вжик – и покатила моя голова тыквой по земле». Оглядываясь, словно воришка, по сторонам, мальчик выкопал возле стены неглубокую ямку, положил туда находку, засыпал песком. Всё это он проделал, не задумываясь над своими действиями, словно им руководила неведомая ему сила.

За стенами гарнизона подросток увидел заговорщиков в окружении телохранителей, удаляющихся в направлении южных ворот. «Желают посмотреть – как Навин обучает колесничих», – догадался подросток.

Неожиданно Джуги оглянулся, пристально посмотрел в его сторону. У Моисея «душа ушла в пятки». Стараясь не выказывать волнения, придав лицу безразличный вид, он неспешной походкой свернул в ближайший переулок...

Глава шестая

Моисей в деревне. Смерть Потифара

Моисей второй год служил писцом в кенбете²³ города. Восемнадцатилетнего юношу за его умение толково составлять отчёты часто звали на заседания, проходившие в зале суда храма Маат. Ответчик и истец давали письменные ответы, суд решал дело втайне. При завершении процесса судья, молча, прикладывал значок с изображением богини истины Маат ко лбу того, в чью пользу было решено дело. Чаще всего ответчиков из бедноты ссылали на Синай на медные копи. Кроме того, осуждённый мог лишиться языка за разглашение государственной тайны или святотатство. Ему могли отсечь правую руку за воровство или подделку документов, либо налагали штраф. Но нередко процесс завершался вынесением смертного приговора. Казнь, в зависимости от тяжести преступления, была разная: отсечение головы, повешение, сожжение, распятие или погребение заживо. Юноша на скорую руку записывал суть разбираемого дела, после вынесения приговора составлял подробный отчёт на папирусных свитках и сдавал в архив начальнику канцелярии. Число членов кенбета при рассмотрении дела было неодинаково: от одного до десяти. При разборе земельных тяжб между наследниками присутствовали не меньше двух членов кенбета, а при регистрации различных правовых актов было достаточно и одного. Председатель Совета назначался номархом из числа почётных граждан города. Это мог быть: и начальник ремесленного отряда, и начальник складов, и начальник канцелярии. Те, в свою очередь, назначали помощниками знакомых. Моисея поражало – как сильно было развито у судей кумовство и продажность. Если жалобщик находился в родстве с судьёй или имел толстый кошелек – процесс был за ним. Для решения вопроса в свою пользу жалобщики делали подношения судьям до начала процесса, а при удачном завершении – преподносили своему благодетелю ещё более щедрый подарок. По негласному договору половину подношений судьи отдавали представителю номарха, остальное делилось между участниками процесса в долях, согласно занимаемой должности. Власти пытались бороться с продачностью чиновников кнутом и пряником: поднимали им жалование, освобождали от уплаты налогов, штрафовали беспощадно, но тщетно – победить человеческую жадность они не могли.

Для себя юноша решил: выбьется он в судьи – будет судить справедливо. Невзирая на чины и звания...

Пятый день месяца хойяк во второй год правления фараона Хоремхеба был выходным. Моисей ещё накануне запланировал провести родных.

Достал из комода одеяние простолюдина: власяницу²⁴ и увясло²⁵. Сложил в узел.

Спустившись на первый этаж, юноша застал учителя с супругой на кухне за завтраком.

– Присоединяйся к нам, сынок, – с нежностью в глазах пригласила Эрте, ещё не старая женщина с седыми волосами, собранными на затылке в пучок.

– Некогда, тётушка. Хочу застать своих дома. Вы мою маму не знаете: управится по хозяйству спозаранку и может весь день по родственникам ходить, сплетни собирать, – улынулся юноша.

– Это точно! – засмеялся шутке Потифар. – Мы, старики, такие. Нам хлеба не давай, а поболтать – не мешай. Беги, сынок, и не забудь взять с собой подарки...

²³ Кенбет (*egit.*) – Совет, выполняющий административные и судебные функции.

²⁴ Власница – грубая накидка из льна.

²⁵ Увясло – головная повязка.

Солнце поднялось над вершинами гор, когда Моисей добрался до жилища. Когда-то казавшаяся высокой изгородь из тростника едва доходила парню до пояса.

Во дворе под навесом Мариам перебирала овечью шерсть.

– Моше, братик! – бросилась она к нему в объятия.

На шум выскочили домочадцы...

Когда волнения от встречи улеглись, прошли на кухню – помещение без крыши с тандыром у стены. Моисей вручил подарки: сестре – ожерелье из тонких резных золотых и серебряных пластин к предстоящей свадьбе, матери – отрез ткани на платье, отцу и брату – нож и резную доску с игрой в сенет.

– Чтобы не скучал на пастбище, брат, – пояснил он, протягивая доску Аарону.

– Отличный подарок! – попробовал отец пальцем остроту лезвия.

– Ещё бы, мне его на заказ знакомый кузнец выковал, – похвастался Моисей.

Мужчины расселись вокруг низкого столика на войлочных ковриках, скрестив ноги. В ожидании завтрака повели неспешную беседу.

– Решил отпустить бороду? Не боишься? – обратился Моисей к отцу, наблюдая густую порось на лице. – В Египте только фараон имеет право носить бороду.

– О, ты как взрослый муж говоришь! – с гордостью за сына улыбнулся Шуну. – За меня не волнуйся: в город я не хожу, в деревне никому дела нет – с бородой я или – без. Вода спадёт, погоним скот на заливные луга, где кроме коров и быков на нас никто и не посмотрит. Как говорят: «Подальше от царей – будешь целей»...

У отца на каждый случай имелась поговорка, так что и добавлять после этого было нечего.

– Ты расскажи, как твои дела? – живо поинтересовался Шуну.

– Потифар ходатайствовал перед главным судьёй о переводе меня на должность судьи. Буду самостоятельно вести мелкие дела, – с довольным видом поделился новостью Моисей.

Но отец не обрадовался.

– Не рано тебе, сынок, в судьях ходить? На большом месте сидеть – надобно много ума иметь! Тебе всего восемнадцать, жизни не знаешь, а собираешься судить других, – засомневался Шуну.

– Я за два года практики столько увидел и услышал – другим на несколько жизней хватит.

– Не знаю – не знаю. В народе говорят: «Бери ношу по себе, чтобы не кряхтеть при ходьбе».

Моисей обиженно замолчал, сетуя на отца за неверие в его силы.

– Ты не обижайся, сынок. Мы редко видимся. Я и не знаю, каков ты теперь – что умеешь и что можешь. А Потифар – мудрый человек. Он не станет за тебя просить перед таким уважаемым господином, как главный судья, не будь уверен в твоих силах, – примирительно похлопал Шуну сына по плечу.

– Нашего Моше в деревне называют египтянином, – поделился слухами Аарон. – При встрече так и спрашивают: «Как поживает твой братец – египтянин?».

– С кем соль-хлеб водишь, на того иходишь, – заметил Шуну в своей манере говорить поговорками.

Моисей смущённо потупил взор. Ему было приятно слышать, что соплеменники его так называют. Отец внимательно посмотрел на младшего сына. Видимо поняв, о чём тот думает, покачал головой. Но ничего не сказал.

Мариам и Кара поставили на стол горшок с чечевичной кашей, тарелку с лепёшками, кувшин с пивом. О чём – то перешёптываясь, удалились во двор.

Прочитав короткую хвалу богам за прекрасный новый день, за пищу, за здоровье жены и детей, четырежды окропив пивом жерло печки, Шуну первым испробовал каши. Следом сыновья дружно застучали ложками.

Насытившись, Моисей до дна осушил кружку. Отметил про себя: «Родительское пиво намного крепче и вкуснее, чем городское. Надо будет узнать у матери, как она его готовит и попросить Эрте настаивать так же. Хотя...».

– Отец, учитель просил передать: они планируют переехать жить в Уасет. Эрте скучает по родственникам и хочет покинуть Питом, – вспомнил Моисей.

Шуну взял чарку, сделал несколько глотков, поставил обратно.

– Если Эрте так решила... Любишь жену – люби и её родину, – многозначительно произнёс он. – Пока они здесь, надо подыскать для тебя жилище. Особняк Потифара нам не осилить, но в квартале ремесленников, я думаю, мы сможем купить жильё.

Моисей облегчённо вздохнул. Он не предполагал, что всё так легко решиться. Налив себе пива, Моше, как это любил делать отец, сунул в кружку соломинку. Попивая освежающий напиток, он рассказал о событиях, произошедших в городе и стране. Рассказать было о чём...

Хоремхеб, правивший Египтом второй год, освоился на царском троне и всё решительней продвигал реформы, немислимые при его предшественниках. Например: в случае жестокого обращения хозяина со своим рабом, пострадавший мог попросить убежища в храме и пожаловаться на своего господина. Если на суде жестокость хозяина подтверждалась, раб становился слугой храма и свободным человеком. Помимо изменений в судебном законодательстве, большие перемены произошли в армии. Основной упор фараон сделал на колесницы – вся тактика ведения боя теперь строилась в расчёте на них. Хоремхеб обязал номархов во всех крупных городах взять на содержание воинские части, состоящие из различных слоёв населения. Рекруты ставились на вещевое и продовольственное довольствие, им выплачивалось жалование, за это они круглый год должны были обучаться владению различными видами оружия, маршировке и бегу шеренгами и, само собой, беспрекословно подчиняться приказам начальников.

Оружейные мастерские не простаивали: от зари до заката солнца в кузнях стучали молотки – мастера ковали мечи, топоры, наконечники для стрел и копий, для колесниц и сбруй – детали из меди и бронзы. Кожевенные мастерские тоже не сидели без дела. Для изготовления щитов выделанные шкуры быков натягивали на каркас из тростника и выставляли сушиться на солнце. После сушки подмастерье брал бронзовый меч и бил по щиту, испытывая на прочность. Из кожи изготавливались нагрудники и наголенники, набедренные повязки.

Египетская армия с каждым днём становилась могущественней. Число набегов резко сократилось. Ходили слухи: Хоремхеб сам готовится идти войной на соседей.

Авторитет фараона был настоль велик, что многие стали забывать, что он пришёл к власти при весьма загадочных обстоятельствах. После пяти лет «невнятного» царствования Эйе и его внезапной смерти без видимых причин, жречество призвало на трон Хоремхеба. Для этого ему пришлось жениться на Мутнеджмет, сестре Нефертити, в жилах которой текла царская кровь. Поначалу номархи нескольких провинций поставили под сомнение законность прихода во власть новоиспечённого царя, но наблюдая, как его правление приносит положительные плоды, предпочли закрыть глаза на его тёмное прошлое. Моисей – непосредственный свидетель заговора против вдовы Тутанхамона Анхесенамон, и тот нашёл для себя тысячу доводов, оправдывающих его коварство. А что было говорить о тех, кто лишь строил догадки о причинах его внезапного возвышения.

...В тот памятный день, дождавшись, когда Хоремхеб покинет Питом, Моисей достал из тайника папирусный свиток, и на протяжении всего времени до сегодняшнего дня хранил в своём комодке. Каждый раз, тайком перечитывая послание Эйе номарху, Моисей испытывал трепет от того, что он хоть и косвенно, причастен к тем событиям. Попади это письмо в руки царицы – ход истории был бы совсем иной.

Юношу подмывало рассказать родным об этой истории, но всякий раз ему не хватало на то духу. Вот и сегодня...

... В полдень Моисей засобирался в город. Мать набрала в бурдюк из воловьей кожи пиво из большого пористого глиняного сосуда.

– Передай Эрте: когда будет готовить пиво, пусть добавит семена аниса и шафрана, и обязательно, запомни, обязательно – шепотку высушенного корня мандрагоры. Тогда напиток получится крепким и ароматным. Ещё передай: мы благодарны им за всё, что они для нас сделали. Пусть богини Нехбет²⁶ и Уаджит²⁷ помогают им во всём.

... Моисей с Мариам вышли за ограду.

– Элишева хотела с тобой повидаться. Хочешь, позову?

– Нет, не надо... – на мгновение смешался Моисей.

Он не знал, как признаться сестре, что с недавних пор встречается с египтянкой, дочерью начальника канцелярии Хуфу.

– У меня срочное дело в городе, – солгал Моисей. – Надо будет ещё переодеться, привести себя в порядок.

– Ну, хорошо, братик, будь осторожен. Не забудь: в следующий выходной я приду в город. Буду ждать тебя у храма Маат, – напомнила сестра.

– Без меня ничего не бери, тебя могут обмануть. Обязательно дождись меня, – обнял он сестру.

... С Натимут Моисей познакомился благодаря своему начальнику. Главный судья Салба послал его с поручением к начальнику канцелярии Хуфу. По делам службы юноша часто видел этого толстого господина в архивном отделе, но в имение к нему он наведывался впервые. Слуга – нубиец проводил Моисея в дом. Юноша едва не был сбит с ног девушкой лет пятнадцати, быстро сбегавшей по лестнице. За ней, грузно качая животом, спускался хозяин дома в набедренной повязке. Широкие ноздри и толстые губы на круглом лице делали его похожим на африканца, сменившего цвет кожи. Ещё издали Моисей уловил винный перегар, исходящий от начальника канцелярии.

– Осторожней, Нати! Убьёшь моего дорогого гостя, как я перед Потифаром оправдаюсь, – шутливо строгим голосом воскликнул Хуфу. – Юноша, не стой истуканом, скорей знакомься с моей дочерью, пока эта серна не умчалась на водопой. Что за моду взяла, эта молодёжь, днями напролёт пропадать на водохранилище, – бурчал он.

– Я Моисей, сын Шуну, – от волнения юноша открыл имя отца посторонним людям.

– Натимут, – смущённо потупила взор девушка.

Он и раньше видел её в городе, но так близко – впервые. Моисею в ней нравилось всё: точёная фигурка, изящные руки, высокая грудь. Из-под полупрозрачной юбки в складку выглядывали стройные ножки. Богиня, сошедшая с небес. Трудно было представить: толстый господин, стоящий рядом – её отец. Может – и не отец вовсе? Когда девушка подняла на него свои миндалевидные карие глаза, подведённые зелёной сурьмой, понял – он нравится этой красавице. У юноши громко застучало сердце в груди. Так громко, что казалось – хозяева тоже слышат этот стук. Судорожно вздохнув, он поперхнулся и закашлялся, не в силах остановиться.

– Нати, моя девочка, принеси гостю кружку вина. Не видишь, юноше надо промочить горло, – похлопал Хуфу ладонью по его спине...

– Спасибо, господин Хуфу, – отпив крепкое вино, сильным голосом поблагодарил Моисей. – Это от красоты вашей дочери я чуть не подавился слюной, – попытался он скрыть свою неловкость за шуткой.

Все дружно рассмеялись. Потом Натимут оставила их, пообещав отцу дождаться гостя в саду...

²⁶ Нехбет (егип.) – гриф, покровительница Верхнего Египта.

²⁷ Уаджит (егип.) – кобра, покровительница Нижнего Египта.

– Ну, расскажи, писец Моисей, что тебя привело в мой дом? – весело спросил Хуфу.

Юноша на мгновение задумался и, стараясь, слово в слово передать данное ему поручение, выпалил:

– Досточтимый господин главный судья Салба просит тебя, господин Хуфу, заменить его на завтрашнем судебном заседании. Прибыл гонец из Меннефера с приказом от фараона – жизнь, здоровье, сила! сопроводить господина Джуги в столицу на срочное совещание. Господин главный судья последние два дня будет занят приготовлениями в дальнее путешествие.

– Интересно, что могло случиться в столице такого, чтобы отрывать людей от дела? – делано строго пробурчал Хуфу, скрывая за маской недовольства радость от возможности дополнительно заработать. – Может быть фараон, да святится имя его, хочет начать военную кампанию? Давно пора надрать задницы «этим наглецам».

Кого он подразумевал под – «этими наглецами», было понятно без объяснения. Цари Ближнего Востока перестали платить дань Египту, наложенную на них во время успешных походов покойного Эхнатона. Прошло десять лет со дня его кончины, а царей, достойных его славы – ещё не было на престоле. Все надежды возлагались на Хоремхеба. В подтверждение догадки Моисея Хуфу добавил:

– Не зря нынешний фараон – жизнь, здоровье, сила! был когда-то доблестным воином в войске Эхнатона. Уж он-то наведёт порядок! Наступит день, когда цари Азии будут ползать у его ног, целовать песок под его сандалиями, вымаливая пощаду за своё неповиновение!

Всё, более распаяясь, Хуфу гневно указывал рукой в направлении стоп юноши, словно поверженные враги были уже там. Оставалось лишь стереть их жалкие тела в пыль. Его кустистые брови сошлись у переносицы, пухлые губы шевелились в безмолвном ругательстве, толстый живот колыхался над белоснежным схенти. В своём гневе Хуфу походил на бога Бэса – карлика со злобным лицом, владение статуэткой которого защищало её хозяина от укусов змей и скорпионов.

Несмотря на серьёзный тон разговора, Моисея позабавила внешность Хуфу, Он не удержался от смеха. Начальник канцелярии недоумённо посмотрел на него, догадавшись о причине его веселья, смущённо улыбнулся.

– Ладно, иди, весельчак. Передай господину главному судье: сегодня вечером я навещу его, – проворчал Хуфу. – Не забудь: в саду тебя кое – кто дожидается. Девушки, что – вино: если его передержать – закиснет...

Юношу не надо было долго уговаривать. Быстрее молнии тот скрылся за порогом. Хуфу подумал, что был бы не прочь выдать свою дочь за столь завидного жениха. Он знал: племянник Потифара обладал недюжинным умом, подавал большие надежды на блестящую карьеру...

Натимут разговаривала с пожилым садовником. Увидев Моисея, она приветливо помахала ему рукой и поспешила навстречу.

– Извини – заставил себя долго ждать! Мы с твоим отцом за это время уничтожили всех врагов Египта! – поведал юноша ей причину своего веселья.

– Он не всегда был такой, – заступилась за отца Натимут. – Было время: папа командовал большим отрядом воинов. Фараон Эхнатон лично наградил его серебряным мечом за храбрость.

Немного помолчав, она с грустью в голосе добавила:

– Это после того, как мама сбежала со сборщиком податей – папа стал много пить. Да и должность свою он считает скучной и неинтересной.

– Наверное, тоскует по прежним временам, – поддержал её Моисей. – Но ничего, грядёт «пора гиены». В армии Хоремхеба для него, как опытного ветерана, найдётся достойное место.

– Я провожу тебя? – Натимут благодарно улыбнулась ему.

Разве Моисей мог быть – против.

– Послушай, почему у тебя такое странное имя – Моисей? – с неподдельным интересом повернулась девушка к нему, открывая калитку.

– О, это целая история. Когда я родился, мои родители долго не могли придумать для меня подходящее имя. Тогда они позвали на помощь соседей, отмечавших в месяц месори²⁸ праздник «Рождение Ра – Хорахти». Не мудрствуя лукаво, они предложили назвать меня в честь этого события. А между собой близкие называют меня – Моше, – разоткровенничался Моисей.

– Странно... Моше, Шуну, – задумчиво повторила Натимут. – А твои родители точно – египтяне? И почему ты живёшь с Потифаром, а не с ними? – засыпала она его вопросами.

Моисей сообразил, что сболтнул лишнее. Уже дважды за короткий период он мог навлечь на свою голову неприятности, случись такая ситуация, например, в общении с сослуживцами. Он укорял себя за излишнюю болтливость: «Увидел красивую девушку – потерял голову. Расчирикался – влюблённый скворец. Впредь надо будет контролировать каждое своё слово и поступок». Девушке же он поведал выдуманную историю. Якобы, его родители умерли от чумы, когда ему было пять лет. До десяти лет он жил у разных родственников, пока его не забрала в Питом Эрте – двоюродная сестра матери...

За разговорами они незаметно добрались до храма Маат. Взяв с девушки слово, непременно дожидаться его, Моисей убежал сообщить главному судье об исполнении поручения.

Вернувшись, он застал Натимут на прежнем месте. Мимо неё по своим делам спешили люди, а она: босоногая, стройная, по-детски улыбаясь, не сводила с него глаз! Моисею от счастья хотелось кричать на весь мир: «Натимут ждёт меня! Она любит меня!». Юноша подбежал к ней, решительно взял её за руку. Она покорно пошла рядом. Моисей испытывал восхиительный трепет от близости с египтянкой, вдыхал аромат её тела. Они направились к водохранилищу – любимое место для прогулок у горожан. Весь день влюблённые бродили под густыми кронами пальм. Говорили, смеялись, молчали. Юноша ни на миг не отпускал её руку. Боялся. Отпустит – она исчезнет. Как – наваждение. Незаметно день сменился вечером. Огромный змей Апоп безжалостно гнал солнце на запад, где готовился проглотить его, чтобы вновь исторгнуть утром на востоке. Расставаясь, влюблённые договорились встретиться на следующий день...

– Что так рано вернулся? – удивилась Эрте, принимая бурдюк с пивом. – Мы думали, ты к ночи освободишься.

– Дело одно меня тут ждёт... – уклончиво ответил Моисей.

– Знаю, какое тебя дело ждёт, – с хитринкой в глазах проворчала женщина. – Думаешь, я слепая – не вижу: у тебя девушка появилась. Последнее время совсем не видим тебя дома. С утра – на службу, поздно возвращаешься. Я даже знаю, как зовут твою подружку. На днях приходил в гости Хуфу, хвастал: один молодой человек ухаживает за его дочерью.

Моисей стоял перед ней, смущённо улыбаясь.

Женщина достала из буфета кружку, наполнила до краёв пивом из бурдюка. Сделала несколько глотков – удовлетворённо кивнула: «Хорошее пиво».

– Осия меня ждёт, Осия, – передразнила его Эрте, обтирая губы тыльной стороной ладони. – А сам каждый раз наряжается в праздничный калазирис и умащается маслами: за версту дух стоит.

– Тётушка, не ругай меня. Мне и так стыдно. Я не решался открыться перед вами, – пытался оправдаться юноша.

– Да ладно. Это твоё личное дело, – примирительно проворчала Эрте. – Но как теперь с Элишевой быть? Она знает?

²⁸ Месори (*egun.*) – соответствует месяцу август.

– Нет, тётушка, не знает... пока, – Моисей виновато отвёл глаза.

– Ну и хорошо, что не знает. Вдруг у тебя с дочерью Хуфу не получится – вернёшься к ней.

Со двора слышались голоса – это Потифар вернулся из гостей. Не успел он переступить порог, Эрте протянула ему кружку.

– Попробуй, муженёк, деревенского пива. Кара приготовила.

Потифар сделал несколько глотков. Его довольный вид говорил сам за себя – напиток ему понравился.

– Ну-ка, мать, отлей нам в кувшин немного, мы с юношей распробуем хорошенько.

Моисей положил на скамью деревенскую одежду, отправился вслед учителю в сад. Расположились под сенью финиковой пальмы.

– Молодец, Кара, – хвалил Потифар, прищёлкивая языком. – Вот бы Эрте научить.

– Научится. Я тётушке сказал, чтобы в закваску добавляла засушенный корень мандрагоры.

– Как мне подсказывает память: это – ядовитое растение, – удивился Потифар.

– В нашей деревне многие готовят так, никто ещё не отравился, – успокоил его юноша.

– Ну и хорошо. Значит, будем жить. Расскажи, что нового в семье, как здоровье родителей?

– Все живы – здоровы и вам того – же желают.

– Спасибо.

– Мариам готовится к свадьбе. Мы с ней договорились встретиться на следующий выходной в городе: выбрать ткань для платья, украшения.

В глазах Потифара мелькнул тревожный огонёк.

– Послушай, сынок, тебе не обязательно сопровождать сестру. Вас кто – либо увидит – не избежать расспросов и подозрений.

– Сколько лет мне удавалось быть неузнанным, – уверенно заявил юноша. – А сестре не помогу – торгаши её обманут, или того хуже – ограбит кто.

– Ну, смотри сам. Ты уже не мальчик, чтобы я тебе приказывал, – пробурчал недовольно Потифар. – Ты мне скажи одно – что будет, когда мы уедем? Кто тебя на путь истинный наставит?

– Кроме тебя, учитель, некому, – с грустью в голосе отвечал Моисей.

Они сидели рядом, скрестив ноги: юноша в расцвете сил и уже не молодой мужчина с серебристой порослью на бронзовой от загара голове. Некоторое время, молча, пили пиво, думая каждый о своём. Моисей подбирал в уме слова, которые не ранили бы сердце человека, вложившего в него свою душу. Как сказать наставнику: он – уже взрослый и может жить отдельно от них? Что он уже с отцом договорился о поисках жилья.

Перед глазами Потифара стоял образ маленького Моисея. Худой подросток с большими ушами на бритой голове сначала не впечатлил Потифара. В какой – то момент он даже пожалел, что позволил втянуть себя в авантюру. Совсем не ради звонкого металла согласился он приютить у себя семитского мальчика, а дабы отвлечь Эрте, да что греха скрывать, и себя тоже, от тоски по умершему сыну. Около года понадобилось судье для того, чтобы подготовить подростка к новой жизни. И никому, даже его родителям, он не открылся: прежде чем отдать Моисея в египетскую школу, Потифар поделился своей тайной с номархом Джути. Тот, памятуя об их давней дружбе, ничего не сказал «против». Только взял с Потифара слово: случись что – номарх должен остаться в стороне, его имя не должно быть замарано. Так и рос Моисей, не подозревая, что за его судьбой следит самый влиятельный вельможа нома. Это с его молчаливого согласия и благодаря связям Потифара в чиновничьих кругах семиту Моше прочили должность судьи – одной из самой почитаемой должности в Египте...

– Вы ещё не решили, когда покинете Питом? – нарушил молчание Моисей.

– Эрте хоть сейчас бы отправилась в путь, пока стоит большая вода. Я её уговорил задержаться. Хочу дождаться того момента, когда ты отправишься в храм не как царский писец истины, а как – судья.

– А дом? Вы нашли на него покупателя?

– О каком покупателе ты ведёшь речь, Моисей? Мы не собираемся продавать дом.

– А кто в нём будет жить?

– Ты! – не скрывая счастливой улыбки, ответил египтянин. – Мы решили: в память о Какемуре не должны продавать дом. Он должен принадлежать тому, кто все эти годы заменял нам сына.

Учитель бережно обнял его за плечи. Глаза его наполнились слезами.

– Спасибо тебе, Моисей, за все те годы, что ты провёл с нами. Заботясь о тебе, мы с женой смогли утешиться в горе. Мы рады, что можем отблагодарить тебя таким образом.

– Нет. Я не могу принять такой дорогой подарок, дядюшка. Ты и без того сделал для меня немало, – воспротивился юноша. – Мне надо с отцом посоветоваться...

– Я предполагал, что ты откажешься. Заблаговременно переписал наш дом на твоё имя. Назад дороги нет, мой мальчик. И всё на этом... – Потифар коснулся пальцем губ Моисея. – Кстати! На прошлой неделе начальник канцелярии приходил в гости. Сиял, как начищенный до блеска медный таз! Возжелал выдать свою дочь за тебя. Как её зовут?

– Натимут. Мы уже второй месяц с ней встречаемся.

– Большой срок! – осветилось лицо наставника ласковой иронией. – Ну да ладно. Попадётся хорошая жена – будешь счастлив. Попадётся плохая – станешь умнее. Но тебе, рано или поздно, придётся открыться ей, что ты – семит, – вопросительно уставился на Моисея Потифар.

Юноша растерялся. Как все молодые люди он легко шёл по жизни и не задумывался: она иногда может задавать задачи, требующие ответа. И чем дольше ты будешь искать ответ, тем сложнее будет становиться задача.

– Не знаю, – неуверенно ответил Моисей. – Может потом, когда узнает меня лучше, для неё это не станет трагедией?

– Может – может, – эхом задумчиво вторил ему Потифар.

Он молча наблюдал за тем, как Моисей наполняет чарки очередной дозой пива. Также, без единого слова сделал несколько глотков. Долго вертел посуду в руках, словно пытаясь разглядеть в гуще напитка что – то важное для себя, прежде чем вымолвить:

– Впредь запомни, сынок: как никогда ты должен контролировать свои слова и поступки. От тебя зависит – быть тебе среди египтян своим или нет. Ещё: хочешь быть с египтянином наравне – будь на голову выше его. Во всём!

– Я буду стараться, – заверил Моисей, не догадываясь об истинных причинах предостережений учителя. – Но сейчас я должен покинуть тебя, Натимут меня ждёт.

– Эх, скинуть бы годков тридцать, да пошли бы мы с тобой на пару по девкам, – блеснули озорно глаза наставника. – Только не родился тот конь, на котором можно догнать свою молодость. Иди, сынок. Иди. Вернёшься – нам предстоит серьёзный разговор, – уже без тени улыбки добавил он.

Он с грустью смотрел вслед Моисею, быстрыми шагами удаляющемуся по аллее. «Может, не стоило откладывать этот разговор „на потом“. Надо было задержать его и порасспросить: откуда у него в комодке свиток с печатью Эйе. Но тогда его свидание с девушкой – насмарку. Пусть отдыхает. Вернётся – разберёмся». Старик сидел неподвижно, как африканский истукан. Мысли несли его по реке – времени, прибывая лодку – память то к одному берегу, то – к другому...

...Родители спасли Потифара, отправив с молодой женой из Уасет в Питом – подальше от надвигающейся со стороны Нубии «Чёрной чумы». Потифару тогда было примерно

столько же лет, как сейчас – Моисею. Родители не захотели оставлять нажитое добро на разграбление мародёрам, надеялись пережить напасть, изолировав себя от окружающего мира в имении. Но вездесущие крысы – переносчики болезни, не ведали преград. Проникая в кладовые в поисках пропитания, доставляли туда блох – маленьких насекомых, несущих большую беду. Они впивались своими крошечными челюстями в человеческую плоть – заносили семена смерти. Выжившие родственники Эрте после рассказали: тела умерших не успевали хоронить – так много их было. Их сжигали или сбрасывали в Нил.

Осиротевшего Потифара больше ничто не удерживало в столице. Он обосновался с молодой женой в Питоме. Тогдашний номарх Асурал – друг детства отца, в память о товарище сделал всё, чтобы его сын не знал нужды. Доверил ему должность судьи в кенбете, дал несколько рабов, выделил молодой семье земельный надел в черте города и помог с постройкой дома.

Всё было хорошо в семье Потифара и Эрте. Единственно, что омрачало их безбедную жизнь – не могли зачать ребёнка. Они перепробовали все средства: снадобья и заговоры – тщетно. Им было уже за тридцать, когда знакомые посоветовали обратиться к семитской знахарке в поселении.

Потифар навсегда запомнил тот день...

...Иохаведа, прабабка Моисея, стояла в центре двора с прутиком в руках – стерегла цыплят от коршунов. Те кружили над поселением в поисках добычи. Выслушав их, завела Эрте внутрь жилища. Потифару велела оставаться на улице и стеречь её цыплят...

Уже по дороге в город Эрте рассказала, что произошло – после. Когда они зашли в хибару, старушка порасспросила у неё: откуда они родом, что заставило их покинуть благополучный центр и поселиться на краю вселенной. Велела ей раздеться, лечь на топчан. Подошла ветку неизвестного ей растения. Огонь с треском охватил сухие хвоинки, искры посыпались в разные стороны. Раздался душистый аромат. Старуха потушила огонь, начала водить дымящейся веткой над её телом, с закрытыми глазами бормоча молитвы на своём языке. В заключение, она дала ей завернутые в пальмовые листья пучки трав, научила, как делать из них настойку, что следует пить перед сном. Заверила: она родит, если сбросит с души груз переживаний за смерть близких людей и будет молиться Нехебхау – богу плодородия в образе змея. Отблагодарив старуху дебеом меди, они вернулись домой, не до конца поверив знахарке. Их изумлению не было границ, когда через короткое время после посещения Иохаведы Эрте забеременела. На радостях они щедро отблагодарили старушку. Когда у них родился мальчик, они назвали его в честь отца Потифара – Какемур. Родители души не чаяли в своём сыне. Он рос в любви и ласке.

Беда пришла – откуда не ждали. Если раньше чума надвигалась с юга, в этот год она прокралась с востока. Мальчику было шестнадцать лет. Сначала его стал бить озноб, начались сильные головные боли и головокружение. Через несколько дней началась одышка, речь стала невнятной. Рабы, распознав в симптомах признаки страшной болезни, сбежали. Даже несмотря на то, что в случае поимки их ждала неминуемая казнь. Страх заразиться чумой пересилил ужас казни. Потифар с Эрте день и ночь молились богам, воздавали им щедрые подношения. Они умоляли всевышних забрать их собственные души, лишь бы жил их мальчик. Но боги остались глухи к их мольбам – Какемур умер. Велико было горе родителей. Было невыносимо больно осознавать, что им не о ком больше заботиться, что они никогда не смогут обнять своего сыночка, не услышат весёлый смех своей кровиночки. Потифару казалось: это – кошмарный сон. Стоит открыть глаза – кошмар прекратится. Но сон длился несколько лет, пока в их дом не пришёл Моисей. Черноглазый мальчуган – семит не дал Потифару сойти с ума от тоски. Семь лет пролетели – как семь дней. Незаметно для себя Потифар достиг звания «имаху»²⁹

²⁹ Имаху (*egun.*) – почитаемый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.